

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР

Часть II

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР
В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Всего несколько дней отделяет нас от великого праздника 40-летия Победы – победы советского народа над германским фашизмом. Страшным смерчем прошла по Европе, Азии и Африке вторая мировая война. Погибло более 50 миллионов человек, были уничтожены огромные материальные и культурные ценности. Наибольшие жертвы понесла наша страна, вынесшая на себе основную тяжесть фашистского нашествия. В памяти человечества навсегда останется подвиг советского народа и его вооруженных сил, решающий вклад нашей Родины в победу над Германией и ее союзниками, в освобождение народов Европы от фашистского рабства, в спасение мировой цивилизации. Победа была оплачена 20 миллионами жизней советских людей.

Для Института востоковедения АН СССР годы Великой Отечественной войны стали самым трудным периодом в более чем 165-летней его истории. Работа Института, жизнь его коллектива в годы войны неотделимы от судеб и напряженного труда всего советского народа, от полной лишений жизни блокадного Ленинграда. В летописи Института военных лет немало не только мужественных, но и поистине героических страниц. В этой летописи запечатлены дни конца июня – начала июля 1941 г., когда большая группа сотрудников Института, мужчины и женщины, вступили добровольцами в Ленинградскую армию Народного ополчения, а другая группа была призвана в РККА. В этой летописи – круглосуточные дежурства в здании Библиотеки АН СССР, на 4-м этаже которого помещался Институт; в этой летописи участие в строительстве оборонительных сооружений, дежурства в группах ПВО. В институтской летописи военных лет – 900 дней блокады Ленинграда, страшная, трагическая зима 1941/42 г., когда спасение рукописных, книжных и архивных собраний, остававшихся все годы войны в помещениях Института и БАН'а, было особенно трудным. Особую страницу летописи занимает подвиг маленькой группы сотрудников (всего 5 чел., потом – 3), остававшихся в Ленинграде после того, как 11 июля 1942 г. закончилась эвакуация сотрудников Института.

* Доклад на заседании Ученого Совета ЛО ИВ АН СССР 22 апреля 1985 г., посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Эта группа - "Ленинградская", как она именуется в документах с конца 1942 г., - следила за состоянием рукописей, книжных фондов и архивов Института в насквозь промерзшем здании, с зафанеренными окнами, без электричества - день за днем, несмотря на артобстрелы и бомбежки.

В летописи военных лет - работа Института после эвакуации в Ташкент. 36 человек - одна треть сотрудников Института - погибли на фронтах Великой Отечественной войны и умерли в Ленинграде в годы блокады.

К началу войны Институт востоковедения насчитывал 120 человек, в том числе 69 научных сотрудников, 3 докторанта, 30 аспирантов, 7 сотрудников библиотеки, 11 работников административно-хозяйственного персонала. В течение предвоенного десятилетия в Институте был создан небольшой, но высококвалифицированный исследовательский коллектив. В Институте работали выдающиеся ученые - академики В.М.Алексеев, А.П.Баранников, И.Ю.Крачковский, В.В.Струве (с 24.12.1940 г. - директор Института), чл.-корр. АН СССР Е.Э.Бертельс, В.А.Гордлевский.¹ В 11 кабинетах Института, образованных, как правило, по страноведческому принципу², и в Рукописном отделе работали 6 докторов наук и профессоров, 24 кандидата наук, 6 старших научных сотрудников без ученой степени и 23 младших научных сотрудника. Институт был тесно связан с Восточным отделением филологического факультета Ленинградского Университета; 22 сотрудника Института преподавали в университете. К началу войны в Институте была сильная парторганизация, насчитывавшая 14 членов партии и 7 кандидатов.

В планах Института на 1941 г. центральное место занимали крупные темы: IV том академической "Всемирной истории", серия работ по литературам стран Востока, составление нескольких словарей (в том числе большого китайско-русского, персидско-русского, диалектологического монгольского), подготовка сборников "Индия", "Турция", "Горький и литература народов Востока" и ряд других. В 1941 г. были опубликованы несколько крупных работ сотрудников Института, в том числе фундаментальная "Грамматика турецкого языка" А.Н.Кононова (автору было тогда 35 лет), "Сирийские источники по истории СССР" Н.В.Пигулевской, "Синтаксис современного арабского литературного языка" Д.В.Семенова (эта книга вышла уже после начала войны), перевод известного труда ал-Карахи о Шамиле, подготовленный А.М.Барабановым, "Краткий синтаксис современного персидского литературного языка" А.К.Арендса.

Наступило 22 июня. Правительственное сообщение о вероломном

вторжении немецко-фашистских войск было передано в полдень. Партия и Правительство призвали народы Советского Союза встать на защиту своей Родины. Этот призыв нашел глубокий отклик в сознании миллионов советских людей. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. в Ленинграде и области было объявлено военное положение. 23 июня в Институте состоялся митинг. Через несколько дней было получено срочное оборонное задание Политуправления РККА – составление географо-этнографических справочников и разговорников по ряду стран зарубежного Востока. Перестраивалась тематика работы кабинетов, изменился распорядок дня.

Из приказа № 56 по ИВ АН СССР от 28.06.41 г.:

"§ 1. В соответствии с приказом № 1 от 27.06. с.г. по Ленинградскому гарнизону, рабочее время в Институте востоковедения устанавливается с 9 ч. утра ...

§ 3. С 1 июля с.г. отменить свободное расписание для научных сотрудников Института ...

§ 7. Провести экстренные работы в Рукописном отделе..."

В.И.Кальянов вспоминает: "С первых же дней войны в Институте востоковедения была организована работа по обеспечению сохранности ценнейшего рукописного и книжного фонда, в которой активно участвовал весь коллектив Института. Все материалы, представляющие большую ценность и связанные с плановой работой сотрудников, были на лифте переправлены с верхнего этажа вниз в подвальное бетонированное помещение БАН'а".³

С 25 июня в Ленинграде началось формирование армии Народного ополчения. В Институте первая группа добровольцев вступила в Ополчение 1 июля. Это были ст.н.с. В.И.Кальянов (за несколько дней до войны, 12 июня, он защитил кандидатскую диссертацию), м.н.с. А.М. Барабанов, аспиранты Д.Амоглонов, Н.И.Любин и М.К.Максимов. В последующие дни июля в Народное ополчение записалось еще 44 сотрудника Института, в том числе 10 женщин. Часть из них была впоследствии отозвана из Ополчения – для завершения срочных оборонных заданий,⁴ по распоряжениям Политуправления РККА и Ленинградского фронта, а также райвоенкоматов.

Как можно судить по документам из архива Института, к середине августа 1941 г. в Ополчении находилось 14 человек.⁵ В ряды РККА были призваны 11 сотрудников и аспирантов. Осенью 1941 г. на Ленинградском фронте погиб коммунист Александр Михайлович Барабанов, один из самых талантливых учеников акад. И.Ю.Крачковского. 2-я часть работы А.М.Барабанова – текст хроники ал-Карахи – увидела свет только в 1946 г., 3-я часть – исследование – осталась незавершенной. Эта грандиозная по замыслу работа должна бы-

ла явиться кандидатской диссертацией А.М.Барабанова. Больной (он еще до войны лишился одного глаза), Александр Михайлович одним из первых в Институте вступил в ряды Ополчения. В.И.Кальянов вспоминает: "Барабанов был помполитом 3-й роты 276 Отдельного Артиллерийско-пулеметного батальона, занимавшего оборону между Гатчиной и Большой Пудостью. Он был примером стойкости и мужества и проявил много находчивости при выведении нашей части из окружения. Позднее, когда наша часть была передвинута в район Пулковских высот в 68-й Стрелковый полк 70-й дивизии, я нашел фамилию А.М.Барабанова в списке награжденных посмертно..."⁶ Л.В.Строева рассказывает, что в последний раз она видела А.М.Барабанова в сентябре 1941 г., когда его отпустили из части в город, чтобы он заказал себе очки. В Володарском районе они расстались, и больше известий о нем не было.⁷ Имя А.М.Барабанова упомянуто на мемориальных досках в ЛО ИВ АН СССР и в ЛО Издательства "Наука".

Погибла на фронте в 1942 г. Елизавета Ивановна Кузнецова, заведующая библиотекой ИВ, коммунистка. Она ушла в Ополчение в начале июля 1941 г., у нее был свой особый счет к гитлеровцам - в первых боях под Ленинградом погиб ее муж. Смертью храбрых пал Наум Исаакович Любин, Китаист, также получивший боевое крещение в Ополчении. Без вести пропали Константин Иванович Разумовский, Китаист-историк, и монголист Василий Дмитриевич Якимов. Оба они воевали на Ленинградском фронте в рядах ополченцев. Был тяжело ранен индолог Дмитрий Александрович Сулейкин, находившийся в Ополчении с начала июля 1941 г.; в результате ранения ему ампутировали ногу. Нельзя без волнения читать его заявление в местком ИВ АН, отправленное с фронта:

"В местком ИВ АН (Л-д, В.О., Биржевая лин. I)

Бывшего научного сотрудника
ИВ АН Сулейкина Д.А.

Заявление

Прошу ежемесячно удерживать из причитающейся мне зарплаты однодневный заработок и вносить его в фонд обороны страны.

4.09.1941 г.

Подпись

Сопроводительная: I-й Стрелковый полк 3-й Гвардейской стрелковой дивизии Ленинградской армии Народного ополчения.

9.09.1941

№ 494.

В (Фабзавком) Института востоковедения АН СССР. Направляю заявление I (одного) бойца - бывшего служащего Вашего предприятия - об отчислении в фонд обороны СССР части его заработка до полно-

го разгрома германского фашизма.

Начальник финчасти полка
воентехник 2 ранга (Вайняр)".

Уже в конце июня 1941 г. Институт приступил к выполнению важного и срочного задания Политуправления РККА - составлению географо-этнографических справочников по Индии, Турции, Ирану, МНР, Китаю, Внутренней Монголии, Манчжурии, Корее. В июле, к заданному сроку, все эти справочники были закончены и сданы в Политуправление. В отчете Института о работе во втором полугодии 1941 г. (отчет составлен 17 декабря 1941 г., подписан ученым секретарем Института Д.И.Тихоновым) говорится: "Сотрудники Института весьма горячо отозвались на выполнение оборонной тематики. Непосредственными исполнителями являлись акад. В.М.Алексеев, чл.-корр. АН СССР Е.Э.Бертельс..., доктора и профессора В.М.Штейн, С.А.Козин, А.А. Ромаскевич и большинство молодых специалистов. Особенно большую работу проделал проф. В.М.Штейн по редактированию статей сборников" (ААН, ф. 152, оп. 10, ед. хр. 730: № 211, 221, л. 48). Помимо этих сборников, Институт начал подготовку серии небольших русско-восточных военных словарей и разговорников. К концу 1941 г. из этой серии были готовы: русско-персидский разговорник, русско-персидский словарь, русско-турецкий словарь и русско-турецкий разговорник, русско-греческий разговорник и русско-греческий словарь, русско-монгольский словарь, русско-японский военный словарь.

Эти работы выполнялись по договоренности со штабом Северного фронта и сдавались ему непосредственно после их завершения. Турецкий кабинет закончил составление фундаментального сборника "Турция".

Институт проводил большую пропагандистскую работу в частях действующей армии. В Доме Красной Армии и Флота с лекциями выступали В.В.Струве, П.П.Иванов и другие сотрудники. В июле-декабре 1941 г. каждый месяц проводились заседания Ученого Совета и кабинетов. В ноябре 1941 г. на Ученом Совете ИВ АН СССР защитил докторскую диссертацию П.П.Иванов, видный историк средневековой Средней Азии. Институт готовил научную сессию, посвященную 500-летию юбилею великого узбекского поэта Алишера Навои. Во втором полугодии 1941 г. вышло из печати 6 монографических работ сотрудников Института, готовились к выходу из печати еще 2, были доведены до матриц - 5.

Отчет ИВ АН СССР за второе полугодие 1941 г. заключается словами: "Сознание долга сотрудниками, спаянность позволили Институту быстро перестроить свою работу на нужды обороны и выполнить те задачи, которые ставились перед ними".

Но кроме напряженного научного труда были еще дежурства - в пожарной команде, в народной охране, в группе ПВО, а также длительные выезды на строительство оборонительных сооружений. Вот несколько записей из приказов и распоряжений по Институту, относящихся к тем дням: (приказ № 64 от 3.07.41) - "Для выполнения трудовой повинности на II-ти часовой рабочий день 4 и 5 июля с.г. выделяются ... (список, 9 человек)"; "На 4 августа 1941: пожарная команда - 9 чел., народная охрана - 6 чел., дежурят в госпитале - 2 чел., на трудаботах - 15 чел., лектор ДКА и Ф - 1 чел..." (ААН, ф. 152, оп. 3а, ед.хр. 55, № 320, л. 28); (приказ № 79 от 5.08.41): "вводится обучение по противовоздушной обороне - 64 сотрудника"; (приказ № 86 от 19.08.41): "Считать находившимися на оборонных работах с II по 18 августа с.г. ... (список, 9 чел.)".

К середине августа военное положение Ленинграда серьезно осложнилось. Обстановка на других фронтах не позволяла перебросить подкрепления к городу. 23 августа 1941 г. началась подготовка Института к эвакуации. Она проводилась на основе постановления СНК СССР от 2 июля 1941 г. Можно вспомнить, что к концу августа 1941 г. из Ленинграда было отправлено в глубокий тыл около 100 крупных предприятий, более 600 тыс. человек.⁸ В начале июля предполагалось, что Институт будет эвакуирован с несколькими другими учреждениями АН СССР в Томск. Однако этот план реализовать не удалось. В списках на эвакуацию, составленных в августе 1941 г., имеются пометы: "пешком не может", "с грудным ребенком" (ф. 152, оп. 3а, ед.хр. 57, лл. 28, 47-50). Началась упаковка рукописей и книг из фондов Института. Однако эвакуацию в августе осуществить не удалось. К 8 сентября 1941 г. гитлеровцы ценой огромных потерь замкнули кольцо блокады Ленинграда. Только отдельные сотрудники выехали из города в июле - первой половине августа.

В августе-сентябре штаты Института и фонд зарплаты были значительно урезаны; ряд сотрудников пришлось отчислить или перевести на договорные работы. К 3 октября 1941 г. в Ленинграде оставалось 47 штатных сотрудников и 9 сотрудников, работающих по трудовым соглашениям и договорам (в списке, помеченном этим днем, впервые упоминается, как связанный с Институтом, Константин Александрович Иностранцев - выдающийся историк сасанидского Ирана и иранской культуры; тяжело больной, он умер в конце декабря 1941 г.).

28 октября 1941 г. Совет по эвакуации при СНК СССР разрешил Президиуму АН СССР вывезти из города 1100 научных сотрудников и членов их семей. Было предложено также Президиуму АН СССР обеспечить эвакуацию самолетами наиболее крупных ученых.

11 ноября на самолете был вывезен акад. В.М.Алексеев - его эвакуировали в Боровое (Сев.Казахстан). В 1941-1944 гг. там находилось около 50 академиков и членов-корреспондентов (там были, в частности, акад. А.П.Баранников и чл.-корр. АН СССР А.А.Фрейман).

В связи с блокадой подвоз продовольствия в Ленинград был крайне затруднен, а то и просто невозможен. Это привело к последовательному ухудшению снабжения населения. Если с 16 июля 1941 г. рабочим выдавалось 800 г. хлеба в сутки, служащим - 600 г., то со 2 сентября рабочие стали получать 600 г., служащие - 400. 11 сентября норма выдачи хлеба рабочим была сокращена до 500 г, служащим - до 300, с 1 октября - 400 г рабочим, 200 - служащим. Отсутствие запасов продовольствия и невозможность завоза его в достаточном количестве привели к тому, что 13 ноября было произведено дальнейшее сокращение норм выдачи хлеба. С этого дня рабочие стали получать по 300 г. хлеба в сутки, служащие - 150. Вскоре пришлось сократить и эти скудные нормы. С 20 ноября рабочим выдавалось 250 г хлеба, служащим - 125. На ленинградцев грозно и неумолимо надвигался страшный голод.

Научные работники снабжались по нормам служащих. Постановлением Ленсовета от 29 октября 1941 г. столовые Дома ученых им. М.Горького и клуба ученых Индустриального (ныне Политехнического) института им. М.И.Калинина приравнивались к столовым предприятий оборонного значения. Однако эта мера не смогла сколько-нибудь существенно улучшить снабжение ученых - прежде всего потому, что две упомянутые столовые могли поддерживать силы лишь очень небольшой части остававшихся в Ленинграде научных работников.

Из архива Института видно, какие усилия прилагали дирекция и парторганизация для прикрепления сотрудников к столовой (№ 23). К продовольственным трудностям прибавились и другие. Топливные запасы Ленинграда уже были на исходе. Из распоряжения по ИВ АН СССР от 21.10.41 г.: "§ I. В связи с тем, что отопление предполагается только одной секции, которая обогревает комнаты с 60 по 64, с началом отопительного сезона разместить сотрудников следующим образом..." А за два дня до этого, 19 октября, в Эрмитаже происходило торжественное заседание, посвященное 800-летию великого поэта Низами. От имени писателей выступил Николай Тихонов, прибывший на заседание прямо с фронта; от иранистов-востоковедов доклады прочли А.Н.Болдырев и М.М.Дьяконов, также только накануне находившийся в окопах. Были прочтены и несколько других докладов, звучали стихи Низами - на персидском и русском языках. В заседании участвовала большая часть сотрудников ИВ АН СССР.

Страшный ленинградский декабрь 1941 г. принес первые блокадные смерти – смерти от дистрофии. Из приказа № 120 по ИВ АН СССР от 8.12.41 г.: "Исключить из списков сотрудников Института и.о. ст.н.с. китайского кабинета Рудова Леонида Николаевича, умершего 5 декабря с.г.". Но Институт жил и работал. 29 декабря 1941 г. состоялось научное заседание, посвященное 500-летию юбилею Алишера Навои. Оно проходило в помещении Института – в здании БАН на Биржевой линии. Чл.-корр. АН СССР Е.Э. Бертельс позднее вспоминал: "Пишущему эти строки пришлось выступать в декабре 1941 г. на заседании, посвященном творчеству Навои и протекавшем под жестокой бомбежкой и артиллерийским обстрелом. И хотя заседание шло в верхнем этаже здания, сотрясавшегося под тяжелыми ударами с воздуха, никто из участников не покинул зала, и заседание было доведено до конца".⁹ Председательствовал на заседании акад. И.Ю.Крачковский, с докладами выступили И.Ю.Крачковский, Е.Э.Бертельс, А.Н.Кононов и Б.Т.Руденко. Через 14 дней, 12 января 1942 г., Борис Тихонович Руденко, крупнейший ленинградский кавказовед, умер от истощения.

Несмотря на тяжести блокады, ИВ АН СССР наметил план работы на 1942 г.; в плане содержалось 20 тем, он предусматривал проведение нескольких работ специально оборонного характера, в том числе справочники, военные словари и разговорники; в плане обозначены были также работы научно-популярные, связанные в первую очередь с задачами патриотического воспитания; часть плана занимали темы, продолжающие многолетние исследования, разработавшиеся в Институте. 4 мая 1942 г. план был обсужден и утвержден на общем собрании сотрудников под председательством Н.В.Пигулевской, в то время бывшей заместителем директора Института. Но еще раньше, в январе 1942 г., сотрудники Института были вынуждены покинуть рабочие помещения в здании БАН и перейти в одну из комнат в главном здании АН СССР на Университетской набережной 5. О.П.Петрова в своих воспоминаниях о тех днях писала: "Когда замерзло паровое отопление и окончательно было заморожено помещение на Биржевой линии I, уполномоченная Института языка и мышления Э.А.Якубинская взяла нас в одну из единственно двух отапливаемых комнат этого Института".¹⁰ Некоторые сотрудники работали дома – добираться пешком до Васильевского острова по занесенным снегом и обледеневшим улицам города не доставало сил.

В январе-апреле 1942 г. потери были особенно велики; погибло и умерло от истощения 27 сотрудников. С 6 февраля 1942 г. акад. И.Ю.Крачковский стал исполнять обязанности директора Института

(В.В.Струве вылетел из Ленинграда в Москву, а затем в Ташкент в сентябре 1941 г.; замещавший его Д.И.Тихонов в январе 1942 г. также выехал в Ташкент).

Деятельность И.Ю.Крачковского в годы войны – особая страница в истории советской науки, отмеченная высочайшим мужеством. Много лет спустя после смерти И.Ю.Крачковского, в 1975 г., была опубликована его докладная записка вице-президенту АН СССР акад. В.П.Волгину, содержащая отчет о деятельности И.Ю. в период с июля 1941 г. до конца июля 1942 г. (записка датирована августом 1942 г.).¹¹ О большом личном мужестве И.Ю.Крачковского говорят приведенные в "Блокадной книге" А.Адамовича и Д.Гранина отрывки из дневника Г.А.Князева (заведывавшего Архивом АН СССР), рукописные воспоминания К.Б.Старковой и другие документы. Особенно важны письма И.Ю.Крачковского из осажденного Ленинграда, а затем из Москвы, в Боровое – акад. В.И.Алексееву, близкому другу И.Ю. Эти письма, хранящиеся в фонде В.М.Алексеева в Архиве АН СССР, подготовила к изданию дочь В.М., Мария Васильевна Баньковская (публикация "Три года в полувековой дружбе И.Ю.Крачковского и В.М.Алексеева" в сборнике "Востоковеды в дни войны", М., 1985).¹²

И в самые тяжелые месяцы блокады И.Ю.Крачковский не хотел уезжать из Ленинграда. В своем отчете вице-президенту Волгину он писал: "переезд ... означал бы перерыв работы на неопределенный срок, что в моем возрасте представляется уже нежелательным".¹³

6 февраля 1942 г. И.Ю. писал В.М.Алексееву: "... Вы правы, мы живем в условиях, не похожих на ноябрьские, и многие за этот период оставили нашу жизнь. О Жебелеве и Коковцове Вы, может быть, уже знаете. Из старших еще кончил свои дни Иностранцев. В Институте убыль сильно коснулась китайского кабинета: умерли Рудов, Флуг, Бунаков, Медовая и, по слухам, Разумовский. Из кавказоведов уже нет Генко и Руденко, из других кабинетов – Бендера, Журавлева и т.д."

В блокадном Ленинграде И.Ю.Крачковский, помимо заведывания арабским кабинетом ИВ АН СССР, руководил работой Географического общества, был членом, а с середины декабря 1941 г. – председателем Комиссии Президиума АН СССР по делам ленинградских академических учреждений, членом комиссии по истории АН СССР, с 16 марта 1942 г. – председателем объединенного Ученого Совета ленинградских институтов отделений истории и литературы и языка АН СССР. В письме В.М.Алексееву, датированном 6 февраля 1942 г., И.Ю.Крачковский писал: "После смерти Жебелева мне пришлось оказаться во главе здешней комиссии Президиума АН, с

отъездом Тихонова – директором Института. Чаша сия меня не минула, а так как нынче это очень трудно, то не знаю, надолго ли хватит еще нервов и просто элементарных физических сил. Утешаемся тем, что наступает более светлое время и теперь наш день не кончается, как было, в 4 часа, а доходит почти до 6... Кое в чем вспомнил время своего детства и житья в деревне: колю и ношу дрова, странствую на речку за водой. Когда остается время от дневного света, стараюсь продолжить своих географов, но теперь они идут медленно, так как библиотека АН закрыта, и достать что-либо из ИВ трудно, помещение законсервировано...”.

Из дневника Г.А.Князева: "1942. Март. 18. Двести семидесятый день войны... Я возвращался из Архива по набережной со своими думами... Вдруг воздух над Невой стал рваться, как шелк. И сразу где-то загрохотало... Академик Крачковский стоял под подъездом б. Меншиковского дворца. Бледный, нервно-напряженный, молчаливый и гордый ... Опять усилился обстрел. Он сделал несколько шагов со мною молча, сосредоточенно и опять остановился".¹⁴

Из письма И.Ю.Крачковского В.М.Алексееву: "На прошлой неделе В[ера] А[лександровна] сильно меня перепугала: захворала дизентерией, но за последние дни лучше. Трудно, конечно, с уходом: у нас ведь двое и без того больных, лежащих без движения... Было вчера первое заседание Ученого Совета институтов отделений истории, языка и литературы; организовали его, главным образом, потому, что в советах отдельных институтов осталось слишком мало утвержденных Президиумом членов и никакого кворума для защиты диссертаций не оказывается. При едином совете из этого затруднения можно будет выйти... Разговор было много, иногда маниловского характера, но, несомненно, интерес есть. Думаем, между прочим, поднять вопрос о публичных лекциях и занятиях семинарских вольного типа... У Вас уже весна, а у нас сегодня завернула метель при -4°. Корректуря словаря Баранова кончил, но печататься теперь он, конечно, не будет...”.

Это письмо было написано 2 апреля 1942 г., а через несколько дней И.Ю.Крачковский тяжело заболел. О его болезни стало известно в Боровом только в мае. По инициативе В.М.Алексеева была отправлена за подписью семи академиков телеграмма А.А.Жданову и секретарю РК ВКП(б) Василеостровского района. 26 мая 1942 г. Г.А.Князев записал в своем дневнике: "...Здоровье академика Крачковского все время колеблется, как пламя свечи. На днях у него был консилиум. Его взяли под наблюдение лучшие врачи города".¹⁵ Сам И.Ю.Крачковский 12 июня 1942 г. рассказывал об этом в пись-

ме В.М.Алексееву не без юмора: "Дам Вам отчет о результате... Вашей телеграммы 21 мая..., который был, можно сказать, молниеносным: уже 23-го ко мне явился (как он сказал, по поручению А.А.Жданова) зам.зав. горздравом, очень приличный доктор и, многое записав, обещал прислать врача-специалиста и вообще принять меры. Действительно, 24-го явилась целая компания докторов... опять с представителем горздрава. Они установили лечение и режим...

Теперь ретроспективно возвращаясь к началу наших трудностей и болезней. Как я уже писал, в феврале слегла моя сестра, а в марте и муж ее. Уход за ними делался все труднее, так как сознание слабело... В конце марта захворала дизентерией В.А., но, по счастью, быстро поправилась, хотя исхудала и ослабела до последней степени. Мое положение было трудно, так как я оставался на ногах и не бросал работы по Академии, протекавшей в очень нервных условиях. Наконец, 11 апреля я слег с тем же... поправка... затянулась, температура все не снижается... и общее состояние по временам кислое...". Перегруженный административными и общественными обязанностями, И.Ю.Крачковский ни на день не прекращал своих научных занятий в блокадном Ленинграде. В течение года, с июля 1941 по июль 1942 г., он написал 14 глав (общим объемом 28 п.л.) для начатого в 1939 г. труда по истории арабской географической литературы. Оставалось исследовать только новый период - XIX-XX вв. "Если это удастся, - писал Игнатий Юлианович, - один из главных трудов всей моей научной жизни будет завершен". Кроме этой работы, И.Ю.Крачковский начал подготовку нового издания своего популярного очерка "Арабская культура в Испании". В тяжелые дни блокады, страдая от холода и голода, Игнатий Юлианович сделал также наброски первых глав книги "Над арабскими рукописями".

В середине апреля 1942 г. стало возможным работать в неотапливаемом здании БАН'а. Более частыми стали научные заседания. Так, 22 мая 1942 г. обсуждался доклад ст.н.с. В.И.Кальянова (в апреле он был демобилизован из эвакогоспиталя) "Махабхарата — эпический памятник древней Индии".¹⁶

Огромную работу проделали сотрудники библиотеки Института, собиравшие книги умерших и эвакуированных сотрудников, нередко в полуразрушенных домах. Были приобретены библиотеки А.Н.Самойловича, И.И.Гинцбурга, Г.Г.Гульбина, К.К.Флуга; поступили на хранение архивы погибших востоковедов.

К 1 мая 1942 г. в Ленинграде оставалось 27 сотрудников

Института. Ослабевшие после голодной зимы, они сумели все же привести в порядок помещения Института в здании Библиотеки АН СССР, пострадавшие от бомбежек и артобстрелов. Из-под обломков кирпичей были извлечены, очищены и помещены в шкафы книги в рабочих кабинетах, убраны обвалившиеся штукатурка и горы битого стекла.

В начале июля 1942 г., в соответствии с предложением Президиума АН СССР, был издан приказ о подготовке к эвакуации в Ташкент. Уезжали из Ленинграда через Ладожское озеро – по "Дороге жизни", причем мелкими группами. Последний эшелон с сотрудниками Института отправился 11 июля 1942 г.; в списке эвакуируемых с этим эшелонном – 17 чел. В Ленинграде оставалась группа по охране имущества Института. Первоначально в нее входили Д.В.Семенов (в то время – ученый секретарь ИВ АН), ст.н.с. А.Н.Болдырев, О.П.Петрова, библиотекари В.Н.Евгенова и Т.В.Михновская, вахтер А.Ф.Елкина. После смерти Д.В. Семенова (7 мая 1943 г.) главой группы стал А.Н.Болдырев.

Помимо охраны рукописных собраний, книжных и архивных фондов Института группа занималась систематической проверкой состояния всех фондов, ликвидацией последствий бомбежек и артобстрелов, готовила здание к зиме, собирала книги и рукописи погибших ученых, отправляла в Москву, Ташкент и Боровое материалы, необходимые для работы находившихся там сотрудников. Члены Ленинградской группы вели также научную работу и читали лекции по линии военно-шефского сектора Дома Ученых. В течение 19 месяцев, с 1 декабря 1943 г. по 6 июня 1945 г., А.Н.Болдырев вел рукописный "Журнал учета текущей работы и прои~~с~~шествий по ИВ АН СССР". В этом журнале – всего 15 страниц большого формата. Лаконичные записи А.Н.Болдырева приоткрывают картину подлинно героического каждодневного труда Ленинградской группы.

Вот несколько записей из этого журнала, остающегося, к сожалению, неопубликованным:¹⁷ "Декабрь [1943]. 7-ое. В 11.20 м. утра во время артобстрела немецкий снаряд разорвался на крыше дома № 12/14 по Биржевой линии. В помещениях Чит~~а~~льного зала, магазина и Тибетского кабинета выбито 18 оконных секций. Стена Каталога повреждена осколком. 11-ое. Выбитое стекло заделано своими силами фанерой и картоном. 15-ое. Получено письмо от 29.XI.43. от Председателя Московской группы ИВ АН акад. И.Ю. Крачковского с благодарностью за пересылку в Москву рукописи японо-русского словаря. 29-ое. Произведен контрольный осмотр рукописного и архивного фонда ИВ АН в магазинах БАН. Фонды в полном порядке. Январь 1944 года. 21-ое... Произведен контроль-

ный осмотр рукописного и архивного фондов, так же книгохранилищ. Все в порядке. Составлен годовой отчет о работе сотрудников в Ленинграде. Один экземпляр отправлен в Ташкент, один - в Московскую группу ИВ АН, один передан уполномоченному Президиума АН СССР в Ленинграде М.Е.Федосееву...

27-ое. Приказ о снятии блокады
Ленинграда!

Февраль 1944 г. 3 февраля. На группе историков А.Н.Болдыревым прочтен доклад "Из истории русско-иранских политических отношений XIX в.". ...22-ое. Окончена общая уборка всех рабочих помещений Института... 25-ое. Осмотр книгохранилища (маг. I) показал отсыревание некоторых картонных коробок с документами, вплотную прижнутых к оконной стене... 28-ое. Из архивохранилища в магазине № I БАН вынесены 23 пакета с архивными фондами, занимавшие место у отсыревшей части наружной стены помещения. Фонды помещены для просушки в кабинет дирекции ИВ. О переноске составлен акт. Переноска осуществлена собственными силами. 30-ое. Произведен особо тщательный осмотр бойлера с рукописными фондами. Осмотру подверглись все стены помещения, пол, все стелажы, причем на выборку вынута из разных мест и осмотрено около 20 пачек с рукописями. Нигде никаких признаков отсыревания, плесени или иной порчи не обнаружено...

Июль 1944. ... 8-е. Окончена переноска всех архивных и рукописных фондов, хранившихся в бойлере магазина № I БАН (в переноске участвовала бригада ВВС КБФ)....".

Особую главу в истории Института в годы Великой Отечественной войны составляют годы работы в Ташкенте (лето 1942 - весна 1945 г.). Этот период должен быть темой самостоятельного доклада.

...Проходят годы, десятилетия, но память о военных днях продолжает волновать и тревожить живых. Мы вспоминаем сегодня и наших старших товарищей, наших коллег, которых мы теряли в послевоенные годы - одних уже давно, других совсем недавно. Память о них сливается с историей ИВАН'а в годы войны, они тоже неразрывная часть этой истории - истории, в полном объеме еще не написанной. Ее нужно обязательно написать, чтобы то грозное и славное время во всем своем трагизме и величии осталось в памяти будущих поколений востоковедов. Эстафета поколений это не только передача знаний и опыта, но и память-память сердца. Будем же всегда помнить об этом.

-
1. В июле 1941 г. в штат Института был зачислен чл.-корр. АН СССР А.А.Фрейман.
 2. Арабский, иранский, кавказский, турецкий, среднеазиатский, новоиндийский, индотибетский, монгольский, китайский, японский. Древнего Востока. Как общественные объединения по специальностям, в Институте существовали также сектора - лингвистики, литературоведения, философии и истории.
 3. В.И.Кальянов. Воспоминания о днях войны. Рукопись, с. I.
 4. Ср., например, письмо директора ИВ АН академ. В.В.Струве от 16 июля 1941 г. начальнику штаба дивизии Народного ополчения Василеостровского района с просьбой об "оставлении В.И.Кальянова в резерве" (Архив АН СССР, ф. 152, оп. 3а, ед.хр. 56, № 320, л. 48).
 5. Там же, л. II.
 6. В.И.Кальянов. Воспоминания..., с. 2-3.
 7. Устные воспоминания Л.В.Строевой, профессора Восточного факультета ЛГУ.
 8. См.: А.Колесниченко. - "Правда", 25.03.1985.
 9. Е.Э.Бертельс. Избранные труды. Навои и Джами. М., 1965, сс. 7, 69.
 10. См. далее, с. 31.
 11. Опубликовано в ж. "Природа", 1975, № 4.
 12. М.В.Баньковская любезно разрешила нам в докладе цитировать отрывки из писем И.Ю.Крачковского.
 13. "Природа", 1975, № 4, с. 34.
 14. А.Адамович, Д.Гранин. Блокадная книга, М., 1982, с. 406.
 15. А.Адамович, Д.Гранин. Блокадная книга, с. 191.
 16. Как вспоминает В.И.Кальянов, информация об этом докладе была напечатана в "Ленинградской правде". См. также А.В.Кольцов. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941-1943). М.-Л., 1962, с. 101.
 17. ААН, ф. 152, оп. 1а, ед.хр. 8II, лл. I и сл.